

И. В. Шапошникова

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: irina@nsunet.ru

**ДЛЯ ЧЕГО НАМ НУЖНЫ КОНЦЕПТЫ И КОНЦЕПТОСФЕРЫ?
(РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФИЛОГЕНЕЗЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
И ВОЗМОЖНОСТЯХ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ) ***

В статье рассматривается филогенез мировоззрения как актуальная исследовательская задача и практическая сфера гуманитарной научно-образовательной деятельности. Концепты и концептосферы трактуются как единицы анализа в исследовании филогенеза мировоззрения. Предлагается новое теоретическое осмысление концептуального анализа в контексте внутриэтнических взаимодействий.

The paper proposes a new approach to analyzing concepts and conceptspheres in the context of intraethnic communication (among different ethnic groups, including subethnic) at different stages of the ethnogenesis thus studied).

В последние десятилетия было выполнено большое количество исследований по лингвоконцептологии, лингвокультурологии и другим смежным направлениям. Объектом исследования в этих работах всякий раз выступают концепты, разного рода концептуальные категории и концептосферы в различных культурах и языках. Казалось бы, это должно открыть перед современным творчески работающим преподавателем перспективу использования столь богатой актуальной и новой информации в процессе обучения, в особенности в системе иноязычного лингвистического образования, нацеленного по природе своей на межкультурное общение. Однако на практике все выглядит не так однозначно. Наряду со сложностями, связанными с количеством и качеством полученного в эти годы материала, встает проблема его систематизации, упорядочения и разумного освоения. В этой связи при ознакомлении с содержательной стороной многих работ, при попытках оценить для себя степень эвристичности полученных результатов нередко возникает закономерный вопрос: а для чего вообще нужны «концептуальные» исследования, и если все же нужны, то какие именно? Конечно, не все, но многие работы этого пла-

на представляют собой более или менее искусно исполненные акты шаблонизации конкретного приема описания. При этом стало очевидным, что уже существует несколько хорошо зарекомендовавших себя, популярных приемов описания и несколько подходов к систематизации результатов, основанных преимущественно на вариантах структурного анализа так называемых «ментефактов». Таким образом, на практике имеет место некая бесконечная (как сама действительность) инвентаризация «ментефактов», которая может увести начинающего исследователя все глубже и глубже в дробные микроуровневые сущности со статусом «фрагментов картин мира» за счет не сразу осознаваемой потери ориентации в общем поле актуальных научных задач. Это означает, что назрела необходимость в очередной раз задуматься, с одной стороны, над системой перевода уже накопленной и ставшей приобретением науки эмпирики на качественно иной уровень теоретического обобщения, а с другой стороны, над возможностями конструктивного использования достигнутых таким образом теоретических построений в жизненной практике.

Какую же систематизацию пусть скромного, но все-таки полученного опыта мож-

* Работа выполнена в лаборатории этнопсихолингвистики НИЧ НГУ по проекту НИР 1.14.07 (тематический план по заданию Рособразования).

но выработать под свои исследовательские задачи на этом этапе? Каким видится сегодня объект исследования и какой ракурс рассмотрения этого объекта надлежит выбрать, чтобы мотивировать свою деятельность насущными жизненными потребностями в решении гуманитарных проблем?

Современная российская действительность дает богатый материал для исследования *динамики образов сознания* на так называемом «постсоветском пространстве». Системная их организация в исследуемой культуре образует то, что психологи называют *образом мира*, а историки-этнологи *этнической картиной мира*. Как отмечают исследователи, этническая картина мира выполняет адаптационно-защитную функцию. Однако в свете событий последних десятилетий в России хотелось бы обратить внимание на ее *ориентационную* функцию (в особенности, при изучении концептов и иных ментальных сущностей, о чем пойдет речь ниже), поскольку этническая картина мира позволяет этносу эффективно самоорганизоваться. «Смещение» в этнической картине мира у части этноса ведет к нарушению эффективной самоорганизации этнической системы в прежних параметрах, что мы и наблюдаем в современной России да и на всем «постсоветском пространстве». В период поиска решений усилия самых активных людей могут принимать энтропийный характер, так как гасят друг друга, поглощая энергию пришедшей в движение системы. Так и могучая держава СССР в одночасье превратилась в «постсоветское пространство». При этом выяснилось, что россияне, и в особенности новоявленная элита, охотно и без оглядки на последствия идут на установление контактов и общение с внешним миром (в глобальном масштабе), но не умеют или почему-то не хотят защитить интересы собственного народа на арене международных взаимодействий. Существуют ли какие-либо решения в системе гуманитарного образования, которые могли бы поспособствовать (хоть в малой степени) процессу эффективной ориентации в новых условиях пришедшего в состояние неустойчивости общества?

По ходу действия в этом направлении (а мы исходим из предпосылки о том, что действовать нужно, в полном согласии с народной мудростью – под лежащий камень вода не потечет) необходимо постоянное ис-

следование состояния дел. Как? Что маркирует коллективные мировоззренческие процессы? Как объективируются ментальные и психические процессы, стоящие за общественными преобразованиями? Кому-то может показаться странным наше утверждение о том, что недостатка в предложениях ответов на этот вопрос со стороны психологов, психолингвистов, этнологов, культурологов, философов и даже физиков сегодня нет, тем не менее это так. Однако нет и другого – *веры* в устойчивость предлагаемых наукой и просто разумом ориентиров, достаточной осведомленности о них у активных людей (в значительной степени из-за разрушения привычных механизмов информационного обмена, излишней централизации информационных ресурсов в прежней советской системе и их ненадежности как следствия многолетней идеологизации догматов, а теперь бестолкового рыночного дробления информационного пространства в собственной стране в угоду новым потребительским мифам «глобального» масштаба и как следствия – еще более бестолковое засорение этого пространства), нет и достаточных волевых усилий со стороны управленцев, а главное – устойчивой мотивации к служению ради интеграции общественных установок для решения общественно значимых задач. Иначе говоря, налицо проблемы ориентационно-мировоззренческого плана, охватившие все сферы жизни общества, включая и сферу научно-образовательной деятельности. Но наличие этих проблем одновременно означает и возможность их изучения, что требует постоянной проверки имеющегося в опыте арсенала средств и ясного начального представления (образа) предмета исследования. Остановимся на последнем. Попутно определим поле зависимостей и свобод, в котором может локализовываться ориентационный мировоззренческий процесс.

История российского народа в XX в. и, в особенности, события последних десятилетий, приведшие к столь серьезным смещениям в этнической картине мира русских людей, а также мощные демографические изменения в различных уголках Земли в относительно небольшой исторически обозримый период времени [Капица и др., 1997] заставляют нас внимательно отнестись к триаде *Этнос – Жизнь – Энергия*. Ею мы и обозначаем поле зависимостей и свобод ори-

ентационного мировоззренческого процесса. Системные процессы возникновения и изменения этносов (этногенезы) принимаются нами в версии Л. Н. Гумилева как наиболее адекватная природе объекта (этноса) модель. Этногенез можно рассматривать как жизненный цикл народа, а этнологию как науку о жизни, что, собственно, и сделал Л. Н. Гумилев. Творческие процессы в этногенезе представляют собой раскрытие энергетического потенциала системы (народа, в терминологии евразийцев, личности народной). Это необходимо учитывать в методологической разработке исследований этнических картин мира.

Для организации исследования нам требуется определение этнической картины мира. В качестве рабочего определения мы считаем необходимым принять предложенную С. В. Лурье трактовку *этнической картины мира* (ЭКМ) как некой системы внелогических понятий, большей частью бессознательных образов, которые служат каркасом и подоплекой этнической традиции в любой ее модификации [1998. С. 208–287]. В этнической картине мира выделяются таким образом этнические константы (их проявление многообразно), которые могут «менять одежду». Этническая картина мира может снимать психологическую угрозу от окружающего мира и обеспечивает члену этноса возможность действовать, поскольку ее константы нацелены на локализацию добра и зла, представлений о способе действия, при котором добро побеждает зло. Направленность же действия задается ценностной ориентацией. Таким образом, этнические константы задают способ действия, а ценностная конфигурация – его цель [Там же]. Здесь, нам думается, уместно провести аналогию с сосудами, наполненными разными жидкостями. Жидкости принимают форму сосуда, формально «адаптируясь» под жесткие границы наполняемых емкостей. Принимая в целом такую модель ЭКМ как оптимальную на данном этапе *рабочую модель*, мы тем не менее вынуждены обратить внимание на то, что сами образы-константы («сосуды») тоже должны были когда-то сформироваться и сложиться в определенную устойчивую конфигурацию и могут, вероятно, подвергаться разрушению, иначе раз возникшие на арене истории этносы существовали бы вечно, что явно противоречит реальности. Кроме того, ЭКМ, как нам представляется, не

может рассматриваться как статичный объект, она представляет собой скорее процесс, имеющий относительно устойчивые формы актуализации (нечто вроде континуума подобия) в определенном исторически засвидетельствованном пространственно-временном сегменте (вмещающем определенный этногенез). Возвращаясь к аналогии с сосудами, заметим, что их наполнение – результат семиотического творчества, своего рода трансфер пассионарности. Таким образом, некая *детерминантность* процесса порождает надежду на теоретически как будто возможное *семиотическое «измерение» пассионарности*. Культурные процессы и все семиотическое творчество человека в целом, а также создаваемые им в ходе этого творчества жесткие социальные механизмы и структуры следует рассматривать, что вытекает, как нам думается, из теоретических постулатов Л. Н. Гумилева, как внешние, чрезвычайно разнообразные и богатые формы объективации этнических процессов (этногенеза), связанные тончайшими нитями с вмещающими ландшафтами.

Таким образом, *подлежащие отбору для рассмотрения концепты и концептосферы* трактуются нами как *динамические маркеры коллективного* (всегда этнически специфичного) *сознания*, а значит, и косвенно – *внутренних психических процессов*, приводящих к его формированию и изменению, и сопутствующей этим процессам деятельности народа на арене мировой истории. Все эти явления представляют собой естественные природные процессы и имеют *энергетическую природу*, познавая которую, мы учимся извлекать уроки из истории противостояния энтропии живых человеческих сообществ (этносов) в различные периоды (фазы) их существования на арене истории. Теоретически на этой базе возможно и некоторое осторожное прогнозирование развития событий.

Однако что именно может исследовать этнолингвист? Насколько правомерна означенная выше постановка проблемы для этнолингвистического исследования? Можно ли «расташить» такую проблему по тесным «квартирам» существующих номенклатур специальностей? Ответ очевиден. Задача локализуется в междисциплинарном поле. Отрадно, что у российской лингвистики есть уже своя традиция преодоления междисциплинарных барьеров, этот опыт (включая опыт концептуальных исследований незави-

симо от характера полученных результатов), как нам думается, может послужить опорой для решения конкретных задач. А их решение невозможно без определения ракурса рассмотрения предмета.

Исходя из сказанного выше, целесообразно сосредоточиться на исследовании взаимодействия творческих и разрушительных процессов семиотической деятельности в этногенезе и культуругенезе. Ясно, что для филолога ракурс смещается в сторону лингвосомиотической деятельности. В этой деятельности объективируются интересующие нас образы, поэтому она доступна наблюдению и описанию. Смысл именно исторических исследований такого рода как раз и направлен на то, чтобы увидеть, какие прецеденты удачных и неудачных решений выработало человечество в ходе своего многоликого культуротворения, иначе говоря, мы можем изучить взаимодействие творческих и разрушительных процессов в означенном выше этнокультурном смысле. Управлять этнической стихией вряд ли возможно, но пытаться найти дополнительные, пока еще не известные нам или не осознанные нами способы эффективнее противостоять энтропии мы должны, поскольку всегда сохраняется необходимость принимать превентивные меры там, где угроза может быть предотвращена.

Популярность именно концептуальных исследований в наше время носит, как нам думается, закономерный характер. Концепты, эти эфемерные сущности, стали нам доступны в восприятии именно в наше время, время межфазового этнического перехода. Они стали нам доступны в опыте внутриэтнического взаимодействия и обретения (сотворения) новой семиотики смыслов. Концепт и слоист, и многомерен, это нелинейный объект, доступ к которому осуществляется по разным каналам, в нем фиксируется опыт, полученный с помощью разных каналов восприятия и переработки информации. Поэтому и процедура познания концептов в чем-то аналогична «введениям», «входам (gates)», по которым проводит читателя Ю. С. Степанов в книге «Протей. Очерки хаотической эволюции» [2004. С. 9–61]). К тому же природа этого явления такова, что приверженцем какой «парадигмы» ни заявлял бы себя исследователь, он вынужден будет в той или иной мере прибегать к очень важному для

познании живых образов сознания ассоциативному методу со всем арсеналом конкретных приемов установления разноплановых ассоциаций. Исследователю, привыкшему к операциям с устойчивыми и имеющими относительно жесткие границы объектами, будет трудно смириться с эфемерностью концептуальных сущностей.

Распространенное и хорошо освоенное анатомическое «препарирование» концептов и описание их структуры – не самое существенное в концептуальном анализе, нацеленном на решение мировоззренческих задач. Познание концепта через анатомию его структуры (там, где оно вообще целесообразно) может рассматриваться как первый шаг, за которым должны последовать дальнейшие шаги. Собственно, одна из задач изучения концептов – понять, как это коллективное (бес)сознательное управляет поведением людей, соотносится с иерархией мотивов человеческой деятельности и взаимодействует с установочно-мотивационным арсеналом личности отдельного человека и личности народной. В таком приближении концепты есть в первую очередь *маркеры коллективного опыта*, а их содержание помогает понять особенную природу этого опыта. Мастерски исполненные зарисовки на тему концептов и концептосфер как проекций народного опыта находим в появившихся в самом начале исхода в концептологию, своего рода «концептуального бума»¹, работах Д. С. Лихачева о концептосфере русского языка [1993] и Ю. С. Степанова о константах русской культуры [1997; 2001; 2004]).

Однако будучи объективациями коллективного опыта и сознания, являются ли концепты еще и актуализаторами ориентировочной задачи? К исследованию этой проблемы можно подойти через рассмотрение концептов в *составе концептосферы этнокультурной доминанты* (среди сосуществующих сегодня подходов к пониманию этого явления,

¹ Наверное, последовавший массовый интерес к этим сущностям вызван не только их кажущейся доступностью для анализа, как думают очень многие, но и тем, что они давали возможность заняться размышлениями о чем-то сокровенном, волнующем душу русского человека, о том, что требовало какого-то осмысления и ответа в новой неустойчивой и непонятной жизненной среде, а ответ наш человек по-прежнему привычно ожидает именно от науки, что также, видимо, стало причиной разочарований и крушений многих иллюзий.

мы естественно, опираемся на свое понимание, обозначенное поначалу только в самых общих чертах на английском материале в учебном пособии 1997 г. [Shaposhnikova, 1997; Шапошникова, 1999]). Понятие этнокультурной доминанты потребовалось нам тогда именно для того, чтобы в самых общих, наиболее очевидных чертах наметить контуры мировоззренчески и организационно значимых овнешнений содержательной стороны коллективного сознания формирующегося английского этноса в относительно устойчивые периоды этногенеза и на основе сравнительно-исторического анализа результатов категоризации этнокультурного опыта смоделировать общие контуры формирования этнокультурного ядра этого народа с опорой на лексико-семантические данные их языка. При этом главная задача заключалась в том, чтобы определить условия сохранения тождества лексико-семантического кода языка в процессе коэволюции языка и этноса и таким образом проверить наличие закономерностей (а главное, нащупать пути к их «измерению») между целносистемными структурно-типологическими преобразованиями в языке и экстралингвистическими факторами этногенеза. Тогда мы исходили из того, что релевантная для анализа этнокультурная доминанта у английского этноса одна (элитарная) в каждый отдельно взятый период их этногенеза, что вполне согласовывалось с поставленной задачей. Однако для более глубоких исследований в описанном в начале нашей статьи *этнолингвистическом* ключе потребуются учет комплекса разнообразных факторов. Поэтому нужно учесть, что поведенческий императив (по версии Л. Н. Гумилева [1994. С. 585]), возможно, и один, но этнокультурные доминанты при этом у разных этнических слоев (в том числе и со статусом субэтносов) могут быть самыми разными, а для их тщательного изучения потребуются привлечение различных исторических данных, в которых литературно-художественным памятникам далеко не всегда отводится основная роль.

Для *многофакторного* концептуального анализа, таким образом, потребуются исследование концепта не как отдельной самоценной ментальной сущности, а в *составе этнокультурных доминант*. Здесь мы выходим на проблему *информационного обмена внутри этнической системы* и взаимодействия различных частей как внутри собственно эт-

нической системы, так и в суперсистемном межэтническом пространстве, ибо сами по себе этнокультурные доминанты не являются статичными сущностями с раз и навсегда заданными свойствами. Но любое информационное взаимодействие и взаимовоздействие как творческий семиотический процесс строится вокруг определенного содержания и связанных с ним конкретных действий.

Опираясь на логику теоретических построений С. В. Лурье, можно выявить, *какие именно адаптационно-деятельностные модели выработаны в этнической картине мира* конкретного народа, какие в связи с этим внутриэтнические проблемы приходится решать этому этническому сообществу, не осознающему большей частью тех движущих сил, которые побуждают людей к таким действиям. В каждый данный момент различные внутриэтнические группы (в том числе и субэтносы) имеют разные картины мира (актуализованные в форме несколько отличных друг от друга ЭКД) и разные типы традиционного сознания. Это позволяет этносу иметь несколько вариантов трансфера констант и повышает адаптивные способности этнической системы. Но бессознательный образ себя и своих действий во всех группах общий, что и позволяет им взаимодействовать в форме так называемого *внутриэтнического функционального конфликта* [Лурье, 1998]. В ходе этого взаимодействия, как нам думается, и открывается для исследователя возможность лингвосемиотического описания активизировавшихся (или формирующихся) концептосфер. Действительно, можно согласиться с выводами С. В. Лурье о том, что выбор ценностной системы – дело воли людей, где этнические константы специфически адаптируют эту систему, а в ходе контакта различные субэтносы могут взаимно усиливать адаптивные свойства картин мира друг друга [Там же].

Организационно важно, что в ходе этого взаимодействия создаются общественные институции, которые и дают этносу возможность конструктивной деятельности. Абсолютно все эти процессы находят то или иное выражение в лингвосемиотической деятельности, а концепт – один из «заместителей»² интересующих исследователя «ячеек

² Вероятно, этот термин сохраняет свою актуальность в том же смысле, который придавал ему С. А. Аскольдов-Алексеев [Лихачев, 1993].

опыта», маркирующих психическую реальность порождения семиотики смыслов. Соположение же, соизмерение с последующей возможной интеграцией концептов в этнокультурную доминанту всегда отражает формирующиеся (или уже сложившиеся) связи мотивов, установок и действий, составляющих более-менее устойчивые адаптационно-деятельностные модели различных этносоциальных групп, о чем мы уже пытались поведать читателю на примере событования концептов КАРЬЕРА и УСПЕХ [Шапошникова, 2006а; 2006б].

Вернемся к проблеме содержательной стороны информационного внутриэтнического обмена. Примечательно, что внутриэтнический информационный обмен становится возможным в рамках определенной, как ее называет С. В. Лурье, «культурной темы». Для русского внутриэтнического функционального конфликта это – государственность [Лурье, 1998. С. 349–383]. Современная история и этнология владеют достаточно надежной информацией о русской крестьянской общине и тесно связанным с ее историей и историей русской крестьянской колонизации обыгрыванием темы государственности. Информационный обмен и взаимодействие внутриэтнических групп (в частности крестьянских общин и управляющих элит) всегда реализовывались на базе определенной «культурной темы» (в нашем случае государственности). Она есть трансфер парадигмы образов «условия действия», т. е. то, что способствует реализации адаптационно-деятельностной модели [Там же].

Тот факт, что *идея государственности* и сегодня представляет собой нашу этническую культурную тему, нашел новое подтверждение практикой с появлением в высшей элите В. В. Путина, сразу заявившего эту тему главным условием своих действий и таким образом побудившего различные общественные слои к диалогу. Культурная тема, по мнению С. В. Лурье, представляет собой средство приспособления к идеологии (новой культурно-ценностной части картины мира). Если она существенна для жизни народа, происходит ее реинтерпретация различными внутриэтническими группами – распределение ее среди носителей данной культуры так, чтобы она не препятствовала, а напротив, *способствовала реализации адаптивно-деятельностной модели*

этноса [Там же. С. 363–384]. Иными словами, историко-культурная тема государственности является для россиян *катализатором*, запускающим творческие семиотические процессы в поле зависимостей и свобод, где локализуется ориентационный мировоззренческий процесс, а *поддающимся изменению результатом состоявшегося обмена становятся как раз относительно устойчивые концептосферы этнокультурных доминант*. Можно предположить, что доминанты способны принимать не только конструктивную форму и таким образом способствовать гармонизации отношений, но и деструктивную, порождая, например, то, что Л. Н. Гумилев называл антисистемой, уничтожающей этнос изнутри [Гумилев, 1994. С. 605]. Можно также предположить, что у общества есть определенная свобода сознательного воздействия на эти процессы, с тем чтобы предпринимать усилия по предотвращению столь тяжелых последствий. В этой связи принципиально важно понять, какова допустимая (исходя из установки «не навреди») роль лингвосемиотических средств в такого рода деятельности.

Возвращаясь к теоретическим построениям С. В. Лурье, выделим как принципиально значимое в нашем контексте ее положение о том, что устранение культурной темы может привести к дисфункции этнической системы. Модель же русской колонизации описывается С. В. Лурье как – *бегство от государства – возвращение беглых под юрисдикцию государства и государственная колонизация новоприобретенных земель в итоге*. Скользящая локализация Святой Руси народных легенд давала возможность русскому народу бежать от государства. *Россию беглецы несли с собой*. Официальная же идеология третьего Рима и связанная с ней имперская программа, подразумевающая *территориальное расширение*, позволяла не только закрывать глаза на самовольные переселения, но и поощрять их с целью расширения границ России. Если беглых не устраивало то, что они вновь оказывались под государственной юрисдикцией, они переселялись дальше, а государство вновь настигало их. Край, где живут русские, воспринимался уже как вполне русский, но окончательно он превращался в Россию, когда в нем строились церкви. Как и Византия, Россия не знала проповеди как целенаправленного государственного дела. Имперское

правительство оказывало поддержку лишь при условии успеха «миссии», что означало контроль и неизбежную централизацию [Лурье, 1998. С. 259–284]. Возможно, свидетелями современной версии в чем-то аналогичного этому процесса мы и стали в новом веке с объединением церквей. Опираясь на лингвосемиотические данные, можно попробовать «измерить» степень включенности «новых» ценностей в жизнь (см. статью О. В. Ермаковой в этом номере).

Что происходит с нашими этническими константами сегодня? Как они проявляют себя сейчас? Последнее особенно важно в нашем контексте и трудно (если вообще доступно) для беспристрастного описания из-за аберрации близости. Вероятно, новоявленные пассионарии убежали в рынок, в криминал, за границу. Все это могло стать результатом кризиса идентичности элиты³, во всяком случае сопровождалось и усугублялось им. Впрочем, *ареной* глобальной экспансии (*колонизации*) в наше время становятся не столько географические просторы

³ Действительно, в последние десятилетия стала популярной позиция нигилизма, воплощенная в неприятии образа жизни своего сообщества, стремлении утвердиться любой ценой за границей, нежелании обустривать Россию или, наоборот, в готовности некритического переноса преимущественно западных ценностей и организационных форм на нашу действительность. При распаде СССР активно проявила себя элита, у которой деньги в швейцарских банках, дети учатся в Америке или Европе, отпуск в Испании, особняки в Англии, знание своей страны восточнее Москвы в лучшем случае важно постольку, поскольку там имеются ресурсы, которые можно продать. Политологи говорят в таких случаях о предательстве элиты, что, на наш взгляд, весьма заурядное, в смысле периодичности, явление в истории. «Мелкие князья Германии, получившие по Вестфальскому миру (1648 г.) право вести самостоятельную политику, занимались тем, что за субсидии уступали свои армии любому, кто готов был дать за это деньги. Происходила самая бесстыдная продажа солдат, а вместе с ними и своей родины. За одну только половину столетия немецкие князья заработали таким путем не менее 137 миллионов ливров от Франции и 46,5 миллиона фунтов стерлингов от Англии. Дело это оказалось настолько прибыльным, что немецкие князья učinяли настоящие облавы на подданных, забирая их в солдаты, а затем продавая их целыми армиями своим богатым союзникам. Так, ландграф Гессенский для усмирения восставших против Англии американцев продал Англии 17-тысячную армию; за это он получил, кроме вознаграждения за убитых и раненых, 2 800 тысяч фунтов стерлингов. Четыре других менее крупных немецких княжества в 70-х гг. XVIII в. за 5 лет таким же путем заработали до 33 миллионов талеров» [Бахрушин, Сказкин, 2006.

новых земель, сколько *информационные просторы*. В ходе нового нашего глобального расширения и межкультурного взаимодействия на густонаселенных территориях и выяснилось, что вступаем в контакты с иноэтничным населением мы по-прежнему легко, но вот опыта и умения защищать свои собственные интересы у нас (по крайней мере у новоявленной элиты) нет, а потому делаем мы это плохо, в основном играя по чужим правилам, отыскивая себе нового, на этот раз заморского, хозяина. Несомненно, здесь мы сталкиваемся с той же самой мировоззренческой проблемой, о которой уже упоминалось выше.

Чем же может стать полезным анализ концептов в столь непростых и неоднозначных вопросах и как именно его следует проводить в *контексте внутриэтнических взаимодействий*?

Для начала очень важно выяснить, опираясь на все имеющиеся исторические документы эпохи, какие именно внутриэтнические группы (субэтноты и т. п.) взаимодействуют в ходе внутриэтнического функционального конфликта в рассматриваемый исторический период. Каков характер их взаимодействия, т. е. как именно они это делают? Выделять эти группы и судить о характере их взаимодействия мы можем по их лингвосемиотическому коду. Приемов конкретного анализа всех разновидностей лингвосемиотического кода имеется предостаточно. Сюда можно отнести, например, и хорошо разработанные (на грани искусства в исполнении самих авторов) Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым [2005] приемы анализа лексического фона слова, речеповеденческих тактик и стратегий в контексте сапиентемы, иные психолингвистические, этнолингвистические приемы анализа текста и дискурса, когнитивный анализ различных уров-

С. 302]. Многочисленные, порой курьезные, проявления предательского поведения элиты описаны в «Англо-саксонской хронике» в период правления короля Этельреда (см., например, Ch. Plummer, записи, относящиеся к 998 E, 999 E, 1003 E, 1010D, и многие другие, а также наш комментарий [Шапошникова, 1999; 2003]). Но история дает нам и иные примеры, когда народ заставляет элиту служить его (и государственным) интересам, ставя ее перед выбором – либо изгойничество, либо осознанное служение отечеству. Последнее подразумевает воспитание детей в духе отеческого мировоззрения, в противовес неолиберальному диссидентскому нашему времени.

ней категоризации этнокультурного опыта средствами языка, ассоциативные методы и мн. др. Нужно научиться идентифицировать и описывать этнические картины мира разных этнических групп по актуализующим их этнокультурным доминантам и по *семиотике поведения и творчества личностных представителей этнического самосознания* (таких как Вульфстан или король Альфред у англосаксов, Нестор Летописец, И. А. Ильин, Н. С. Трубецкой, В. М. Шукшин и многие другие у русских). Очень многое может дать традиционный вдумчивый филологический анализ и верификация фактической стороны текста в историческом контексте эпохи (см., например, [Толстой, 2000]). Поиск общих смыслов у разных носителей этнического самосознания и оценка этих смыслов ими самими и другими представителями этнического сообщества (группы, групп), как они говорят и пишут о своих соплеменниках, о своем опыте проживания своей культуры (великолепный, хотя и не отягощенный арсеналом семиотических терминов, образец такого анализа, можно найти у Н. С. Трубецкого в работе «“Хождение за три моря” Афанасия Никитина как литературный памятник», впервые изданной в 1926 г. [Семиотика, 2001. С. 685]. Какие модели пассионарного поведения выделяются в системе и как они интерпретируются носителями этнического самосознания (видимо, именно их на западе иногда называют *opinion-makers*)? На основе каких ценностных пересечений (*shared values*) они взаимодействуют? Что общего в их картинах мира? Как пересекаются (ассоциируются) и взаимодействуют явленные в их дискурсах (текстах) образы? Каковы различия в системной организации этих образов (собственно концептосфер)? Если имеет место разная конфигурация образов и (или) наблюдаются различия в их содержании, как можно интерпретировать эти факты? Исследовательский опыт показывает, что различие картин мира, выявленное через анализ концептосфер, может пролегать на суб- или суперэтническом уровнях категоризации. Более того, эти различия могут перерастать свои исходные рамки и переходить в иные уровни в ходе самоструктурирования этнической системы (как и было при ассимиляции скандинавских викингов и норманнов в древней Англии) [Shaposhnikova, 1997; Шапошникова, 2003]. Маркеры этого пере-

хода – способы идентификации своих и чужих (точнее, локализации своих и чужих – кто с кем воюет и как оценивает друг друга), что ассоциирует с добром, а что со злом, т. е. морализация концептуальных смыслов. Ср. правление Этельреда, когда вне всякой логики, имело место избиение (своего рода Варфоломеевская ночь) ставших своими данов в 1002 г., которые несколькими десятилетиями раньше уже воевали против норвежских викингов и кельтов на стороне англичан. Этот бесславный акт, вероятно, также можно квалифицировать как предательство элиты [Shaposhnikova, 1997. P. 127]. В актуализации функционального внутриэтнического конфликта, в межфазовых переходах в особенности, когда все возрастает необходимость постоянно делать непростые выборы перед совершением даже самых простых действий, происходит апробирование различных смыслов, игра с ценностями. При сравнительном анализе этнокультурных доминант различных этнических групп в различные периоды этногенеза должна открыться возможность наблюдать, в чем именно проявляет себя кумулятивный эффект культуры, как накапливались ценности и как они разрушались, как складывались константы и культурные изоглоссы. При этом нашим материалом остается семиотика языковой деятельности и семиотический продукт этой деятельности как на уровне отдельной личности, так и на уровне субэтносов, этносов, суперэтносов.

Конечно, концептосферы этнокультурных доминант особенно явственно заявляют о себе в относительно устойчивые периоды этногенеза (внутри фаз), но в период межфазовых переходов становится доступным для наблюдения сам процесс формирования этнокультурных доминант. Вероятно, мы являемся свидетелями этого процесса в России. Этнокультурная доминанта существует как коррелят определенной адаптационно-деятельностной модели постольку, поскольку сложился некий целостный (целевой) образ этой доминанты, способный дать основу для образа действия в контексте этой доминанты. Поэтому важно понять, что концепты как маркеры коллективного (бес)сознательного в составе ЭКД представляют собой результаты интеграции смыслов, а точнее, обретения формы семиотикой смыслов в ходе институционализации новых смыслов и социальных структур. Формируются новые связи меж-

ду жесткими социальными институциями и новой семиотикой смыслов. Здесь идет процесс укоренения и распределения этих смыслов при специфике концептообразования в разных этнокультурных группах (предметом анализа становится «распределение», освоение концепта по вертикали – горизонтали в структуре социальных отношений, скажем, его интерпретация королями, их воинами, разными группами вассалов и крестьян, с одной стороны, а с другой – мужчиной (мужем), женщиной (женой), разновозрастными группами и т. п. Заметные шаги в реализации такого подхода предприняты Л. Р. Лаврентьевой в работе «Концепт ВЕРНОСТЬ в языке англосаксонской поэзии VII–XI вв. (лингвоэтнический аспект)», выполненной на древнегерманском материале [2006].

Отсюда и два аспекта изучения концептов – восприятие смыслов и их творческое воздействие через кумулятивный эффект культуры (т. е. подключение к ядру культуры, опора на него и приращение смыслов, укрепление образов). Концепты, таким образом, также в какой-то степени представляют собой маркеры пассионарности, но не сами по себе, а через их причастность к личности с ее личностно специфичной степенью «упоенности» идеализацией и включенности в практические деяния через мотивированность именно данной, идеальной, сущностью – это тоже некий подход к семиотическому измерению пассионарности.

Как укореняются смыслы в ходе внутриэтнического диалога? Не в раздробленном виде, не по одиночке, но всегда в хаосе разновекторных взаимодействий на обломках прежних смыслов через их разрушение («осмеяние») и «возврат» к ним в сожалении ностальгии, проигрывании этих смыслов в новой реальности, через ощущение необходимости трансформации (адаптации) старых смыслов в новые *под давлением энтропии*. Старый смысл ушел вместе с энтропией, он еще хранится в памяти прежней системности (у старших поколений), он еще осознаваем в прежних связях, в уютных фреймах прежнего комфорта, но он уже не актуален на уровне практического действия, не несет творческого заряда в практической деятельности, ибо системность мобилизующего мировоззрения разрушена.

Детерминантность (необратимость) процесса формирования ЭКД (когда она име-

ет место) может быть описана посредством аналогии с грозой. Вот она собирается, как будто бы зреют какие-то темные силы, происходят какие-то едва заметные подвижки в атмосфере, сгущаются облака, все чаще прячется за ними солнце, действия живых организмов в округе становятся какими-то не такими, как всего несколько минут тому назад, но пока еще ситуация окончательно не переломилась, гроза еще не началась, а может и не начаться, «пройти стороной». Но вот мы почувствовали, что свершается, вызревает удар небесной стихии: отдаленные, пока еще очень отдаленные громохвонья заставляют нас задуматься о возможном убежище на тот случай, если вдруг разразится гроза. И только когда облака сгустились, пошел дождь и запылали молнии, процесс стал необратимым, он показывает свой детерминантный характер. Теперь только ноги уноси! Так и с вызреванием этнокультурных доминант – они актуализуются только по мере обретения новой семиотики смыслов в ходе внутриэтнического обмена информацией о разновидностях адаптационно-деятельностных моделей, а точнее, об институционализации и укоренности новых смыслов в бытийном слое сознания. На уровне рефлексии мы смыслы обрели, но они должны быть включены в деятельность в бытийном плане, сознание должно поработать с ними, причем в работу должно включиться сознание разных этносоциальных групп, только тогда они (эти смыслы) укоренятся. При этом важно, чтобы они «усиливали» кумулятивный эффект ядра родной культуры, тогда они лучше укоренятся и будут иметь больший творческий эффект в преодолении энтропии. Таким образом, динамика обретения смыслов проявляется в концептосферах этнокультурных доминант. Можно говорить об их событовании и взаимодополнительности или взаимной «притирке» (усилении или, наоборот, погашении разрушительного потенциала, компенсации своего рода).

С развитием корпусной лингвистики и новых информационных технологий в России появляется и ранее неизведанная возможность оценить, пусть пока еще и на микроуровне, в количественном выражении, устойчивость связей некоторых бытующих в нашей жизни концептов-смыслов. Так, например, Г. Никипорец-Такигава исследует факторы, которые влияют на появ-

ление, закрепление и актуализацию в русском языке положительно-оценочных слов **агрессивный, амбиции, шок / шокировать** [Никипорец-Такигава, 2006. С. 104]. Автор считает появление этих слов результатом вторичного заимствования из английского языка, а закрепление и быструю актуализацию – результатом воздействия электронных СМИ, которые обеспечивают им тиражирование и продвижение по своим каналам, а также результатом «переосмысления концептов, культурных ценностей и стандартов поведения». Зачастую эти слова уже связываются с чем-то хорошим, расширяют свою сочетаемость (что также можно увидеть в приводимом количественном анализе), но при этом точное позитивное значение каждого такого слова не определяется [Там же. С. 105]. Думается, что к приведенному автором в статье списку слов можно добавить и слово **карьера**, ставшее своеобразной приметой нашего времени. Видимо, смысл отмеченных в статье употреблений с семантической точки зрения – явление того же порядка, что и исследованная Дж. Хьюзом на историческом английском материале в его известной книге «Words in Time» морализация значений с учетом расширительного толкования данного термина [Hughes, 1989. P. 36; Шапошникова, 1999. С. 105]. Появление отмеченных Г. Никипорец-Такигава позитивных значений действительно служит сигналом вторжения новых ценностных доминант, уже достаточно заявивших о себе, чтобы быть подвергнутыми количественному анализу, однако о готовности принять эти изменения со стороны разных слоев общества, которая в принципе также может быть подвергнута измерению, в статье не говорится, для этого просто нет пока достаточного эмпирического материала.

Применение квантитативных методов значительно повышает точность и достоверность описания столь трудно объективируемых когнитивных сущностей, как концепты и концептосферы, и при всей ущербности этого связанного с упрощением несводимых к числовому выражению сущностей метода все же дает некий инструмент верификации самого факта существования ЭКД даже на относительно малых временных величинах, доступных восприятию современников (величинах, которые измеряются буквально годами). Дж. Хьюзу пришлось проделать

колоссальную по своим масштабам и трудоемкости работу по сбору эмпирического материала, чтобы выявить аналогичные (по форме) семантические тенденции, отражающие исторические изменения в ценностной ориентации западноевропейского мира. В его книге, посвященной социальной истории английской лексики, приводится очень вдумчивый и подкрепленный кропотливо собранными богатыми эмпирическими данными анализ постепенного процесса становления ментального пространства (своего рода концептосферы) этнокультурной доминанты западноевропейского суперэтнического сообщества нового времени [Hughes, 1989].

По мере накопления данных экспериментальных исследований, наблюдений и их систематизации на электронных носителях релевантная для такого анализа информация будет возрастать в своих объемах и станет более доступна для обработки, тогда можно будет сравнивать данные близко соположенных во времени эпох (даже и внутри одной фазы этногенеза), причем логические доказательства могут быть подтверждены количественными методами исчисления устойчивости обретенных смыслов и примерных границ их активного бытования. Однако для такого измерения потребуется выделить то, что можно бы назвать *ментальными переменными*, под содержание которых и выстраиваются этнокультурные доминанты в каждый отдельно взятый период. Выделение этих переменных как особая задача актуально и для относительно небольших, и для продолжительных периодов изучения динамично меняющегося содержания этнических картин мира и исторических изменений лингвосемиотического плана, связанных с формированием (разрушением) этнокультурного ядра исследуемой этнической системы. Эти переменные потребуются и для дальнейшей коррекции предлагаемой нами модели описания истории английского языка. В перспективе возможны аналогичные модели описания истории иного иностранного для нас языка. Наверное, можно вести речь о построении на этой базе теории истории языка. Для такой модели совершенно не нужна инвентаризация концептов и образов как самоцель, востребованным станет выбор тех ментальных сущностей (ментальных переменных), которые связаны с историческими изменениями в отношении людей к возрасту, религиозным ценностям, роли мужчины и

женщины, социальному изгойничеству, языку своей (чужой) культуры, эсхатологическим мотивам и некоторым другим институционально значимым для самоорганизации и мобилизации этноса, формирования соответствующих социальных установок и стереотипов поведения сущностям. Все они будут определенным образом взаимодействовать с парадигмами образов, составляющих этнические константы, что также становится предметом рассмотрения.

Концептосфера ЭКД – маркер иерархии мотивов, модель ментального пространства, адекватного новой адаптационно-деятельностной модели и соответственно по внешней логике вещей «внятная» опора для ориентационной работы (практических действий), но только при внешнем, поверхностном взгляде на проблему. Дело в том, что новые ментальные пространства у разных групп не формируются параллельно: нельзя привить детям (и тем более старикам) априори, вне опыта социально-культурных взаимодействий, преодоление прежних смыслов и выработку новых. Поэтому межпоколенный, межвозрастной обмен информацией – одно из необходимых условий интеграции на основе усложнения системы. Для этого придется минимизировать иногда очень соблазнительную силу идущих извне этнической системы интересов и установок, переместить вектор силы вовнутрь, на осмысление внутренних процессов – один из способов и необходимых условий творческой институционализации новых смыслов. Массовый институциональный протест по отношению к «навязанным» ценностям – сигнал неприятия смысла, особенно опасен на снижении энергетического потенциала системы, жизнеспасающе оправданно эту энергию пускать в конструктивную деятельность на поиски нового, адекватного смысла, чем тупо расходовать ее, безуспешно преодолевая внутренний протест. Какие бы красивые положительные образы ни рисовали в таком случае политтехнологи в потугах социального проектирования, на выходе будет устойчиво получаться нулевое решение задачи, если параллельно не идет отлаживание *экономической основы для позитивного разрешения* волнующей общество и являющейся препятствием для гармоничной самоорганизации проблемы. В противном случае борьба с энтропией получится

по принципу баснописца: «А Васька слушает, да ест». Так, казалось бы, ключевое противоречие переживаемого исторического момента, с которыми сегодня приходится иметь дело нам, россиянам, усвоившим и во многом сохранившим советские модели выживания, сегодня уже осознанно большинством мыслящих людей: Россия стоит перед выбором – либо продолжать «сидеть на нефтегазовой игле» и быстро выродиться в общество «потреблятства» (о термине см.: [Де Грааф, 2005]) (при этом маловероятно, что с такими мировоззренческими установками удастся противостоять давлению соседей и дойти до стадии выраженного, хорошо организованного и защищенного полицейским государством, как в США или даже западной Европе, «потреблятства»), либо мобилизоваться и взойти к возрождению, построить новое, нравственное общество, способное сохранить и приумножить духовное богатство своих предков и обеспечить достойное будущее потомкам. Между тем налицо признаки того, что у нас не преодолена инерция разрушения. Несовместимость образов великой России с примитивными инстинктами потреблятства и служением этому рынку всепоглощающего потребления (включая самопоглощение) порождает легкое разрушение и без того неустойчивых смыслов служения родине при *первом столкновении молодого человека с реалиями выстроенной под «дикий» рынок экономической жизни*.

Между тем обретение *веры в новую «символику» смыслов* и есть *завершающий этап формирования ЭКД*. Зададим себе вопрос: что есть трансфер констант? Это трансфер пассионарности. Это стадия грозы, как актуального процесса. Активность нового бытийного слоя уже дает свои первые плоды и наступает коррекция от обратной связи – опыт семиотики смыслообразования, поверенный в практике общественной, социально значимой деятельности. Здесь можно говорить о завершающем (по отношению к целевому образу ЭКД) звене информационного обмена. Во всех случаях для этнолингвиста маркеры коллективных психических процессов – концепты (в особенности со статусом ментальных переменных) и их объективация в языковой деятельности, т. е. лингвосемиотика жизни, а для семиотики – в семиосфере человеческой деятельности.

В межфазовом переходе система приходит в движение, что обостряет ее чувствительность к внешним воздействиям, и может сопровождаться «импортом» чужих концептов. Энергия уходит на их обработку в своей, ставшей неустойчивой и дезорганизованной системе ценностей, и трансформация этой системы как целого, а также выработка новых ориентационных «метафор», символики смыслов, потребует тем больше времени, чем больше и беспорядочнее будет информационный поток извне. Ведь нужно не только обрести некий образ себя в новом ментальном пространстве, должны состояться личностные воплощения этого образа, образ нас как народа – наш концепт, тот, кто нас защищает – его концепт, тот, кто нас разрушает, враг, и наш-его концепт и многое другое. Для наблюдателя «присвоение» сложившихся образов маркируется в оппозициях «свой – чужой», «добро – зло». К примеру, появившийся не без западного влияния концепт КАРЬЕРА как некий «заменитель» профессионального роста и жизненного пути, уже ассоциируется с личным успехом и материальным благополучием любой ценой, а не с профессиональным служением своему делу. Устойчивые ассоциации со служением могут возникнуть только тогда, когда связь такого рода будет поддерживаться экономически. Сегодня же по-прежнему экономически выгодно бюрократическое «построение» карьеры (скажем, чиновника, менеджера и т. п.) любыми способами, ради того, чтобы успешно разбогатеть в уютном кресле (об устойчивых ассоциациях на эту тему см. [Харченко, 2003]). Для исследователя этнокультурных доминант конкретный концепт может быть маркером социального взаимодействия (та же самая КАРЬЕРА), но чтобы он стал эффективным средством трансформации и трансляции смыслов, его надо в ходе информационного обмена «пропустить» через «добро – зло», «свой – чужой», иерархию социальной мотивации, адаптационно-деятельностные модели у субэтносов. Последнее возможно, поскольку каждая ЭКД соотносима с какой-то адаптационно-деятельностной моделью.

Таким образом, внутри этноса доступны для анализа единицами коллективно значимого содержания информационного обмена являются концепты – проблемные смыслы для самоорганизации. Они имеют разный статус по отношению к созреванию целевого

образа ЭКД. Естественно, опять возникает вопрос об измерении устойчивости тенденций и накопления нового качества. Этнокультурные доминанты имеют вариации своего воплощения в разных субэтносах (этносоциальных группах). Уровень организованности через анализ укорененности ценностей в разных группах, степень их подстроенности в разных группах через когнитивный анализ на лексико-семантической основе. Идеи иллюзорны, а вот действия, к которым они побуждают, вполне конкретны, поэтому лексико-семантические данные должны постоянно подкрепляться анализом конкретных поступков и деяний, само наличие которых нередко служит надежным показателем уровня пассивности в системе.

Таковы основные принципы и логика нашего теоретизирования.

Обобщая полученный ранее с их помощью опыт, можно также утверждать, что *нарушения институциональных механизмов этносоциальных систем в межфазовых переходах часто имеют общие для различных этнических сообществ фреймы, общие тенденции разрушительных смещений в этнической картине мира*. Эти разрушительные фреймы так или иначе сопряжены с нарушением устойчивости границ своего и чужого, добра и зла и других, в норме наполненных относительно определенным и понятным критической массе представителей народа содержанием парадигм образов в ЭКМ. Разрушительные (равно как и творческие) в межфазовых переходах процессы всегда ведут к повышению чувствительности системы к внешним воздействиям, энергоинформационному обмену с иными этносами, в итоге – к попыткам скорректировать свое мировоззрение и начать действовать в новых условиях по адекватным новому императиву жизни сценарию либо обречь себя на пассивное прозябание в ожидании смерти (дезинтеграция и распад системы в пределе до уровня отдельных реликтов (индивидов) по Л. Н. Гумилеву). Мерилом и маркером этих процессов выступает семиотическая деятельность человека. Таким образом, вопрос об онтогенезе и филогенезе (к примеру, в системе образования и воспитания оба процесса крайне важны) мировоззрения может при определенных условиях приобрести остроту так называемых «жизнесберегающих технологий» на уровне этнической системы, о чем мы будем вести речь в следующем номере журнала.

Свидетельств семиотических разрушительных ударов, которым подвергаются все (вертикальные и горизонтальные) этносоциокультурные подсистемы в межфазовом переходе, в истории можно найти предостаточно. Ср., например, этюды Ю. Н. Карыпкиной [2002] на эсхатологическую тему в Англии XI в., а также очерки по истории русской смуты С. Ф. Платонова [1995], по истории Киевской Руси Л. Н. Гумилева [1995] и мн. др. Конкретно-предметное содержательное наполнение может быть разным, но деструктивные фреймы общие (к примеру, семья всегда оказывается под ударом, при этом нарушение табу приватности семейных отношений осуществляется в наше время по присущим нашей технократической эпохе сценариям с навязчиво-развязным неумным любопытством к интимным вопросам, в норме не подлежащим публичному созерцанию, без всякой рефлексии по поводу возможных разрушительных аспектов такого вмешательства). См., например, выдержку из газетного текста:

«В Н-ке (сокращение наше. – *И. Ш.*, чтобы не было обидно другим городам, в которых могли произойти аналогичные события) стартует семейное шоу «Для всей семьи» – проект, рассчитанный на обмен семейным опытом. Съемки будут проходить в реальных квартирах различных семейных пар с их неповторимым укладом жизни, традициями и привычками. Съёмочный процесс запланирован на 8–10 дней. Все эти дни в квартире будут постоянно находиться режиссер и оператор. Жизнь семьи будет протекать в *привычном* (курсив наш. – *И. Ш.*) русле: папа и дети, как и прежде, продолжают ходить на работу и в школу. А вот мама будет находиться в другой семье! Первые четыре дня она будет жить по правилам новой семьи. А в следующие дни приезжая хозяйка уже вносит рекомендации по изменению этих правил и требует их соблюдения. В итоге участники обмениваются впечатлениями и полученным опытом.

С 26 по 29 марта телекомпания ТНТ-Н-к будет принимать заявки от семейных пар на участие в реалити-шоу «Для всей семьи». Не важно, состоите ли вы в законном браке или гражданском. Главное, чтобы у вас был ребенок старше 4 лет и двухкомнатная квартира...» (ТВ неделя плюс. 22 марта 2007 г. № 12. С. 1).

А как хотелось бы верить, что весь этот текст всего лишь неудачная первоапрельская шутка корреспондента!

Ясно, что, не разрушив, нельзя зачастую начать созидать, в разрушении есть свой смысл. Нам, например, нужно было сбросить сложившуюся у нас в прошлом веке антисистему, уничтожавшую нас самих изнутри. Но перейти из режима разрушения в режим созидания бывает очень непросто, *это именно мировоззренческая задача*. Нарушение институциональных общественных механизмов сопровождается *демонстрацией прежних нравственно-этических регуляторов*, что проявляется во всей семиотической деятельности этнического сообщества, в том числе и в научно-образовательной. Для преодоления кризиса приходится заново и по-новому устанавливать эти нравственные, культурно-национальные фильтры. Решение всех этих задач потребует перехода от, назовем его условно, «диссидентского» мировоззрения с установкой на «свободу от» к «отеческому» с установкой на «свободу для». Для диссидента символ свободы – Америка. Вероятно, это своего рода константа европейского либерального сознания, особенно явственно обозначившаяся с XVIII в. и имевшая подчас гротескные семиотические проявления ⁴.

⁴ Как напоминает описываемый ниже сюжет из жизни Бенджамина Франклина поведение советских граждан в период демократизации и перестройки! «В первый свой приезд Франклин подчинился парижской моде, но, приехав во Францию второй раз в 1776 г. в качестве посла Американской республики, он продолжал ходить в скромном коричневом кафтане; волосы его были гладко причесаны, парик заменяла шапка из куньего меха. Но симпатии передовых кругов французского общества к американской демократии были так сильны, популярность Франклина так велика, что ему не только простили его эксцентричность, но даже сделали его образцом моды. Парикмахеры изобрели прическу а la Франклин, парижские франты снимали парики и делали себе эту прическу. Бюсты и портреты Франклина украшали витрины магазинов и буфеты кафе. Изображения Франклина встречались на кольцах, в медальонах, на тросточках и табакерках. Если, приехав в Париж в первый раз, Франклин подчинился парижской моде, то в свой второй приезд он стал ее законодателем.

Франклин установил хорошие отношения не только с французским правительством, но и с дипломатическим корпусом. Он использовал старинное соперничество Франции и Англии, с одной стороны, и симпатии передовых элементов французского общества к Американской республике – с другой, чтобы оказать давление на Людовика XVI и на двор с целью вовлечь Францию в войну с Англией» [Ефимов, 2006. С. 347].

И сегодня для очарованного европейским рынком потребителя символом качества потребления остается Европа, отсюда и евроокна, евробутылки, евростиль, евротара и прочие материальные воплощения так называемых евростандартов, имеющие тенденцию быстро превращаться в груды неконтролируемого цивилизационного мусора, который, почему-то уже устойчиво связывается в нашем сознании с «бескультурьем» своего народа.

Таким образом, филогенез мировоззрения – сегодня задача актуальная. Она тем более актуальна, что разрушение некоторых основ старой системы создало благоприятные условия для благодатных изменений и кардинального разрешения кризисной ситуации на долгие годы вперед. Между тем в умах многих россиян вопрос о мировоззрении до сих пор остается болезненным, поскольку, как писал В. П. Зинченко в работе, датированной 1990 г., «в течение многих десятилетий сознание рассматривалось как нечто вторичное, второстепенное, оно вытеснялось и заполнялось так называемым правильным мировоззрением, легковесными идеалами (усвоение которых повлекло за собой весьма тяжеловесные последствия), ложными символами, лозунгами, утопиями, иллюзиями, эмоциями... Одним из наиболее отрицательных следствий этого является своего рода девальвация проблемы сознания. Появилась иллюзия, что сознание – это очень просто: его легко изучать, моделировать, формировать, перестраивать. Забывается, что на деформацию сознания в нашей стране ушло не одно десятилетие, да и средства, которые использовались для этой цели, трудно отнести к числу гуманных. На самом деле сознание инерционно и не поддается мгновенной переделке, перековке, перестройке. Необходима целенаправленная работа по его очищению, расширению. Без такой работы оно расширяется и приходит в норму крайне медленно. Даже формирование разумного, например, экологического или национального сознания (и самосознания) вне расширения всей его сферы не только бесперспективно, но и способно повлечь за собой (и влечет) разрушительные последствия (национальные конфликты, так называемая принципиальная борьба с атомной энергетикой, доведение до абсурда идеи суверенитета и т. п.). Для преодоления и пре-

дотворения таких последствий необходимо развитие культурно-исторических традиций в изучении сознания» [Зинченко, 1991]. Несомненно, исследование филогенеза мировоззрения – одна из самых деликатных сфер, которая требует не только особой ответственности и осторожности со стороны исследователя, но и внимания к урокам, преподанным нам историей.

(Продолжение следует)

Список литературы

- Бахрушин С. В., Сказкин С. Д.* Дипломатия европейских государств в XVIII в. // История дипломатии: Сб. / сост. А. Лактионов. М.: АСТ; АСТ Москва, 2006. С. 292–342.
- Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческих концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994.
- Гумилев Л. Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1995.
- Де Грааф Дж., Дэвид Ванн, Нейлор Томас Х.* Потреблятьство: Болезнь, угрожающая миру / Пер. с англ. Н.Макаровой. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
- Ефимов А. В.* Дипломатия молодой американской республики (1775–1794 гг.) // История дипломатии: Сб. / Сост. А. Лактионов. М.: АСТ; АСТ Москва, 2006. С. 343–357.
- Зинченко В. П.* Миры и структура сознания // Вопр. психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
- Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997.
- Карыпкина Ю. Н.* Языковое представление эсхатологических мотивов в англосаксонской прозе X–XI вв. (лингвоэтнический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 185 с.
- Лаврентьева Л. Р.* Концепт ВЕРНОСТЬ в языке англосаксонской поэзии VII–XI веков (лингвоэтнический аспект): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Владивосток, 2006. 26 с.
- Лихачев Д. С.* КОНЦЕПТОСФЕРА русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М.: Наука, 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
- Лурье С. В.* Историческая этнология. М.: Аспект пресс, 1998.

Никипорец-Такигава Г. Вторичные заимствования в русском языке XXI века // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки* / Ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава, вступ. Вяч. Вс. Иванова, предисл. А. Я. Шайкевич. М.: Летний сад, 2006. С. 87–106.

Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и словесных отношений в смутное время). М.: Памятники исторической мысли, 1995. 469 с.

Степанов Ю. С. Протей: Очерки хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997; 2-е изд., испр. и дополн.: М.: Академ. проект, 2001; 3-е изд., испр. и дополн.: М.: Академ. проект, 2004.

Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // *Из истории русской культуры*. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 441–447.

Трубецкой Н. С. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // *Семиотика: Антология* / Сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 496–524.

Харченко Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 336 с.

Шапошникова И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингвоэтническом аспекте. Иркутск, 1999. 243 с.

Шапошникова И. В. Этнолингвистический анализ текста в курсе истории английского языка: Учеб. пособие для студентов и аспирантов лингвист. ун-тов. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. 253 с.

Шапошникова И. В. Мировоззренческая функция иноязычного лингвистического образования в России – Евразии // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006а. Т. 4, вып. 1. С. 80–102.

Шапошникова И. В. Эфемеры, химеры и карьера: «международный стандарт» XXI века? (К проблеме самоорганизации языковых и этнических систем) // *Гуманитарная наука сегодня: материалы конференции* / Под ред. Ю. С. Степанова. М.; Калуга: ИП Кошелёв А. Б. (Изд-во «Эйдос»), 2006б. С. 222–238.

Hughes G. *Words in Time. A Social History of the English Vocabulary*. Oxford, 1989. 270 p.

Plummer Ch. *Two of the Saxon Chronicles Parallel with supplementary extracts from the others*. Oxford, 1899. Vol. 1–2.

Shaposhnikova I. V. *A History of the English Language. The Early Period (Linguo-ethnic Approach)*. Irkutsk, 1997. 207 p.

Материал поступил в редколлегию 30.03.2007